

Выступление на телешоу «Культурная революция»

Запись 24 марта 2002

Как демограф я хорошо знаю, какие огромные потери наносит нашей стране пьянство. Оно – главная причина нашей позорно высокой смертности, которая каждый год уносит больше жизней мужчин в расцвете лет, чем это может сделать довольно серьезная война. Считается, что за всю афганскую войну в боевых действиях погибло 14 тысяч солдат, а только в прошлом (2001) году от острых алкогольных отравлений в стране погибло 38 тысяч человек, и это – только одна и может быть не главная причина смертей, связанных с пьянством.

Поэтому если бы я верил в то, что сухой закон может хотя бы наполовину, пусть даже на четверть, снизить число смертей в России, я бы обеими руками проголосовал за его введение.

Но я в это не верю, более того, я твердо знаю, что если сухой закон и принесет кому-нибудь пользу, то только коррупционерам и вообще всем, кто ищет обогащения, находясь по ту сторону закона. Ибо он создаст еще одну обширнейшую и всепроникающую область криминальной деятельности, массовое самогонование или бутлегерство, и они, в дополнение к пьянству, растлят и погубят еще огромное число молодых мужчин, которые вправе рассчитывать на лучшую судьбу.

Почему я так убежден в этом? Отчасти об этом говорит весь мировой опыт, в том числе и наш собственный. На короткое время «сухой закон» может, застав население врасплох, продемонстрировать свою высокую эффективность. Но потом население – и, конечно, криминалитет – находят пути обхода закона, и все возвращается на круги своя, только в еще более уродливой форме.

И это понятно. Ведь причина пьянства – не водка, водка – только инструмент «одурманивания себя», как говорил Толстой. А «для чего люди одурманиваются»? – задавал он вопрос. И отвечал: «Для того чтобы не видеть разлада жизни с требованиями сознания».

Так вот и бороться надо не с водкой, а с этим разладом, который у нас, по многим причинам, очень велик. Станет меньше разлад – и пить станут меньше, хоть спиртное и будет свободно продаваться повсюду. Но такая борьба – дело трудное и долгое, как-то оно нам не дается, хотя мы и не любим этого признавать. И никогда не любили. Поэтому и стремимся пустить погоню по ложному следу, обвинить зелье в том, в чем виноваты сами, – виноваты как общество, которое не может предложить миллионам молодых, полных сил людей ничего, **кроме** водки.